Приняв решение, Монтегю начал обучать его некоторым из своих любимых приемов. В частности пасам, когда нужно было поднять квоффл как можно выше, а затем передать его вниз товарищу по команде, а также обратному пасу, когда он передавал квоффл товарищу, летевшему сзади него.

Но, безусловно, самым сложным было "Кража Сабрина", в котором нужно было спрыгнуть с метлы с правой стороны, украсть квоффл в воздухе, а затем приземлиться на метлу с левой стороны.

Первым двум он научился на удивление легко, что привело Монтегю почти в восторг, а вот с кражей Сабрина он так и не смог справиться. Он пробовал несколько раз, но так и не смог ни украсть мяч, ни даже приземлиться на свою метлу. Если бы не старший мальчик, он упал бы и разбился насмерть больше раз, чем это было бы прилично для новичка.

Когда солнце начало садиться, и стало почти невозможно что-либо разглядеть, они были вынуждены остановиться и отправиться обратно в замок. Они молча покинули стадион, и, поднимаясь по склону холма, Гарри был невероятно благодарен, что их никто не нашел.

"Поверь мне, в следующем году, когда ты попадешь в команду, все будет замечательно", - говорил ему Монтегю. "Мы оба можем стать охотниками, и нам будет так весело надирать задницы Гриффиндору весь год!"

"А вы уверены, что меня вообще возьмут в команду?" - робко спросил он.

Монтегю остановился и обернулся к нему со странным выражением лица. "Ты шутишь, Гарри? Ты просто прирожденный летун! Я никогда не видел человека, который бы так непринужденно вел себя на метле, как ты".

"А как же остальные? Позволят ли они мне войти? Люди... люди не очень... любят меня. Ты... ты мой единственный настоящий друг".

Старший мальчик встал перед ним на колени, чтобы они оказались на одном уровне. "Конечно, они тебя впустят, и ты им тоже понравишься", - пообещал он. "Не обращай внимания на Малфоя и его головорезов, они того не стоят. Я видел, как они с тобой обращаются, и они тебе не друзья, не совсем. Если они попытаются сделать что-то, как раньше, просто скажи мне, и я позабочусь о том, чтобы они больше никогда не пытались сделать это".

Гарри почувствовал, как сердце заколотилось в горле, и, слегка улыбнувшись, фыркнул. Охваченный внезапным порывом, он поступил инстинктивно и сделал то, чего никогда раньше не делал: прыгнул на Монтегю и обнял его.

"Спасибо тебе, - сказал он ему, и голос его надломился, когда из глаз потекли слезы. "Спасибо, что ты мой друг".

"Тебе не нужно меня благодарить", - сказал ему Монтегю, крепко обнимая его. "Я твой друг, и я всегда буду твоим другом".

"Обещаешь?"

"Обещаю".

Общежития пятого курса Слизерина

14 октября 1995 года

10:30 утра.

Бледное отражение смотрело на него пустыми глазами, в которых не было ни капли души, которая могла бы остаться внутри него. Его руки слегка дрожали, когда он боролся с упрямыми манжетами рубашки, и эта борьба продолжалась уже пару минут.

В общежитии было пусто, но сплетни из общей комнаты были слышны даже оттуда. Что, впрочем, было неудивительно: слизеринцы были до смешного одержимы квиддичем - в некотором смысле даже больше, чем гриффиндорцы.

Когда он поступил в Хогвартс, квиддич его не особо волновал, особенно после того, что случилось с Монтегю. Единственной причиной, по которой он старался летать, было желание произвести на него впечатление, но в итоге это стало бегством от всего.

Воздух был единственным местом, где он чувствовал себя в полной безопасности до встречи с Выручай-комнатой, даже если он и не проводил в полетах столько времени, сколько хотел бы.

Ирония судьбы заключалась в том, что его мучитель был тем человеком, который показал ему его свободу. Но спустя столько времени он понял, что это не последняя вещь, которую у него отнял старшекурсник Слизерина.

Только в начале третьего курса, когда он начал изучать наследие своего отца, узнав о печально известных Мародерах, он узнал, что Джеймс Поттер был так же без ума от квиддича, как и все остальные мальчишки-подростки.

С тех пор он чувствовал в себе некую тягу к этому виду спорта, словно каким-то образом ему удастся вернуть отца, если он будет играть достаточно усердно. Это чувство было настолько сильным, что, когда он только начал пользоваться Выручай-комнатой, он в основном использовал ее для симуляции квиддичных матчей.

Он помнил холодные ноябрьские дни. Снег собирался на оконном карнизе, когда он сидел в заброшенной библиотеке, вдали от мадам Пинс, и смотрел на поле. Игроки больше походили на мух, кружащих за стеклом, чем на настоящих футболистов, а тихие возгласы толпы оповещали Гарри о каждом голе. Уже после четвертой игры, за которой он наблюдал из замка, он понял, что никогда не сможет играть.

Поэтому он забыл о квиддиче, похоронил это желание так глубоко, что теперь почти не чувствовал его, и прикрывал его дуэлями, которые мог выдержать человек, не ломаясь от боли в мышцах.

До сегодняшнего дня.

Это было глупо, особенно после того, как он в последний раз оказался в одной комнате с Монтегю. Все знали, что он относится к команде по квиддичу как к своей личной армии, набивая ее идиотами, которые слепо следуют за ним. Единственные двое, кто не входил в его прихлебателей, были Нотт и Малфой, да и то потому, что первый был слишком хорошим ловцом, чтобы пройти мимо, а у второго был папа, чтобы купить всей команде самые лучшие метлы.

Но все же, когда в команде было четыре человека, а с учетом нового союза Малфоя и Гринграсс с Монтегю - пять, проводить с ними время наедине, занимаясь самым опасным видом спорта в Волшебном мире, было последним, чего ему хотелось.

К сожалению, это было необходимо. Квиддич был слишком большим козырем, слишком большой властью, чтобы он мог отказаться от него, даже не сражаясь за него.

В этом виде спорта было определенное влияние, о чем он узнал из своего исследования, посвященного отцу. Благодаря своему таланту Джеймс стал одним из самых любимых, уважаемых и восхищаемых студентов в году еще до того, как закончил третий курс.

Каким-то образом Джеймс не переставал блистать во всех играх, в которых участвовал. А когда к команде присоединился Блэк, эти двое стали легендой. Самый любимый дуэт охотников всего столетия благодаря тому, насколько они были хороши по отдельности и как хорошо взаимодействовали друг с другом.

Их способности в квиддиче были причиной того, что Мародеров так любили в школе, даже если они без устали разыгрывали всех, кого могли. Их слишком почитали и обожали, поэтому люди часто забывали о том, какими жестокими порой могли быть их розыгрыши.

И, как постоянно напоминала ему Паркинсон, если он хочет хоть как-то победить Гринграсс и Монтегю в их собственной игре, ему нужно, чтобы как можно больше людей забыли, каким жестоким он может быть.

"Хорошо выглядишь, Поттер".

Гарри моргнул раз, два, три раза, прежде чем вернуться к реальности, увидев, что в комнату вошли Пэнси и Тео.

"Ха-ха", - проворчал он, наконец-то отказавшись от рубашки и надев остальную часть формы.

"Ты в порядке?" - спросил Тео, стоя рядом с его кроватью и наблюдая за ним.

"Божественно. Сколько осталось до прихода Снейпа?"

"Пять минут". Пэнси ответила ему совершенно серьезно. "Вам двоим пора идти, Снейп не подумает дважды, прежде чем уйти без вас".

"Ты не идешь?" - спросил Нотт.

"Я бы хотела тратить время на то, чтобы наблюдать за группой почти взрослых людей, играющих с метлами и мячиками".

"Вместо этого ты тратишь время на книгу по зельям, которую постоянно таскаешь с собой", - Гарри повернулся, поправляя слизеринский плащ поверх джемпера. "Не помню, чтобы ты раньше интересовалась Зельями".

"За лето многое может измениться", - ответила Пэнси, внезапно насторожившись.

Не желая задевать союзника, по крайней мере, на таком раннем этапе их отношений, он пожал плечами и прошел мимо нее. Они вдвоем последовали за ним, пока он поднимался по лестнице в общую комнату.

http://tl.rulate.ru/book/100416/3440056